

«Литературная газета», апрель 1984 года.

Савелий в джинсах

- Так твою перетак! Я ошарашенно оглянулся. Кругом в бархатных креслах сидели люди с печатью интеллигентности на лице. При галстуках, иные - в норковых шубах. Тот - именитый кинокритик "Нью-Йорк таймс". Эта - жена видного искусствоведа, сама искусствовед. Все вдумчиво взирали на экран в поисках авторской концепции или еще чего помудренее. А с экрана, как из лопнувшей канализационной трубы, хлестала густая российская матерщина.

"Нью-Йорк таймс" . Эта - жена видного искусствоведа, сама искусствовед. Все вдумчиво взирали на экран в поисках авторской концепции или еще чего помудренее. А с экрана, как из лопнувшей канализационной трубы, хлестала густая российская матерщина.

Кинокомпания "Коламбия пикчерз" созвала нью-йоркскую прессу на просмотр нового художественного фильма "Москва на Гудзоне". В программке его именуют "современной комедией о том, как один человек провозгласил собственную декларацию независимости". Что, простите, наделал? Ах, так бы попросту и сказали - удрал в Америку, променял родину на чужбину.

Гнусненькая история. А стряслась она как раз с героем фильма - Володей Иваноффым, саксофонистом из циркового оркестра. Иванофф дул-дул в саксофон, излишне, видимо, напрягался, и в результате у него в голове образовалась такая идея: нету у нас, братцы, никакой свободы творчества! Никто саксофонисту, правда, его авангардистский инструмент гвоздем не пробивал.

Никто симфонии Гайдна вместо джаза дудеть не предписывал. И тем не менее вольный дух этого представителя творческой интеллигенции жестоко страдал в условиях "тоталитарных" ограничений.

Как конкретно? Не было у Володечки ни одной, представьте, люди добрые, ни единой пары джинсов! Титана джазовой импровизации обрекли на заурядные портки без именной этикетки!

Мыслима ли духовная свобода, когда она не опирается на прочный шов голубого счастья? Любому московскому интеллектуалу понятно - нет. Это превосходство джинсовой идеологии авторы фильма мощно воплотили в художественные образы. На экране - роскошная любовная сцена. Голый Иванофф, собравшийся с цирком в Америку, спрашивает: - Чего же

тебе привезти, дорогая? Та выкрикивает в экстазе: - Калвин Кляйн! Джордаш! То есть фирмы модных джинсов. Естественно, когда героя заносит в отдел рабочей одежды нью-йоркского

универмага, с ним от тамошнего изобилия случается нервный припадок. Тут же приходит четкое понимание преимуществ западной социально-политической системы. Иванофф просит политического убежища. Итак, как говорится, "избрал свободу".

Фильм тыкает зрителей носом в этот тезис. Морально готовясь к побегу, Иванофф первым делом врубает гостиничный телевизор на порноканал: гляди-ка, и в самом деле свобода! Да еще в три обхвата. Но дальше что-то ломается в фильме. Никакой "Москвы на Гудзоне" не получается. На Гудзоне непоколебимо, недвижимо стоит Нью-Йорк. Его законы начинают дирижировать саксофонистом, причем рукоятью пистолета по голове. Так в темном

переулке приветствуют новосела местные грабители. Обрядившись в фирменную жилетку и такие же джинсы, Иванофф тем не менее мыкается без работы. Свою каморку, где стулом служит унитаз, ему приходится укреплять от бандюг чуть ли не противотанковыми надолбами. Создатели картины бубнят на ухо зрителю: все это, мол, издержки бытия. Зато как свободно дышать! Как вольно творить!

А какие, собственно, художественные ценности творятся? В фильме мелькает, например, бывший советский комик. На родине его звали Савелием. С безумным видом он мечется по экрану, отпуская трехэтажные непечатности. Они грохочут в квадрофонических динамиках. ничего другого

по части творческой свободы Савелий не получил. К главной роли его не подпустили. Иваноффа играет американец Робин Вильямс, а Савелий довольствуется воссозданием отнюдь не гамлетовского образа - уличного продавца сосисок. Не удивлюсь, если завтра действительно встречу Савелия на улице с тележкой. Это еще будет для него большой удачей. Я знаком кое с кем из эмигрантов. Врач-стоматолог из Минска с 15-летним стажем моет в Нью-Йорке

общественные туалеты. Бывший солист оркестра Белорусского радио и телевидения устроился сторожем. Получает три доллара с четвертью за работу, за такую пуэрториканцам платят 6-7 долларов. Вот сейчас, когда я дописываю эту корреспонденцию, с улицы доносится тоскливая, заплутавшая среди небоскребов мелодия саксофониста-попрошайки. Не Иванофф ли? Выглядываю в окно. Мать честная, какие у него шикарные джинсы! Обалдеть можно!

Владимир Симонов, «Литературная газета», апрель 1984 года.

Фото: кадры из фильма «Москва на Гудзоне»